

шортца

¹ См., напр., так называемый «спор о политологии» на сайте АПН в 2006—2007 гг.

² Политическая наука 2006 (интервью с Г. Голосовым).

³ Гельман б.г.

⁴ Пастухов б.г.

Л. Г. Фишман

УПАДОК ДЕМОКРАТИИ И «ЗАКАТ» ПОЛИТОЛОГИИ

Статус политической науки в современной России изначально был неопределенным. Это вызвало размежевание в стане политологов, споры о том, что является политической наукой, а что ею не является¹. Одни рисуют довольно смутный образ «настоящей» политической науки, которая дает некое объективное знание, пользуется методами, близкими к тем, что применяются не в гуманитарных, а в точных науках, стремится быть ценностно нейтральной и заниматься чем-то вроде социальной и политической инженерии. Это, конечно, политическая наука Запада, до которой российской политологии, по словам ученого, считающего себя настоящим *political scientist*, очень далеко:

«Для того чтобы существовали серьезные экспертные журналы, в составе правящего класса (в данном случае под правящим классом я подразумеваю совокупность политических и экономических элит) должны быть некие независимые игроки, которые озабочены формированием собственной политической стратегии. Эти игроки должны быть связаны с какими-то организованными сегментами гражданского общества. То есть мы должны наблюдать ту конфигурацию социальных и политических сил, которая присутствует, например, в западноевропейских странах, но совершенно отсутствует в современной России»².

А раз так, вторит ему другой такой же *political scientist*, «неудивительно, что место научных дискуссий в политологии «пикейных жилетов» часто занимают бесплодные упражнения в красноречии, а к содержательному анализу политических процессов (когда речь идет, скажем, о трансформации партийной системы России или о смене политических режимов в странах СНГ) эти политологи оказываются попросту не готовы»³.

Да и можно ли в принципе говорить о наличии в России политической науки? «Для того чтобы существовала политология, — утверждает В. Пастухов — должен существовать ее предмет — политика. В России политики, в западном понимании этого слова, нет. Мы живем в «дополнительном» государстве, где не произошло расслоение на государство и гражданское общество, где государство вообще не до конца высвободилось из общества. Поэтому властеотношения — это еще не до конца политические отношения. Это клановые, семейные отношения, какие угодно, но не политические в узком смысле этого слова. Поэтому в России и не прощупывается политическая наука... Я считаю, что русской политологии не существует. Зато есть вполне интересная и самобытная русская политическая философия, имеющая, между прочим, глубокие корни»⁴.

В общем, современная российская политология — это причудливый конгломерат деятелей и практик, наук и псевдонаук, свойственный только России (на Западе, как утверждают некоторые, нет даже такого слова — «политология»). В этой политологии главенствуют не академические ученые, а журналисты, политтехнологи, «головы из ящика», в лучшем случае — политические философы и т.п.; и авторитета политологии все это не добавляет.

Впрочем, если бы доминирующую роль в российской политической науке вдруг начали играть, с одной стороны, академические ученые, а с другой — практикующие политконсультанты, это тоже многих бы не удовлетворило:

«Современная политология отвечает на вопрос, как захватить, удержать и использовать власть, вместо того чтобы ответить на вопрос, ради чего собственно эту власть нужно захватывать. На сегодняшний день отечественная политическая наука, лишенная какого-либо идейного содержания, вынуждена побираться у других наук, пытаясь компенсировать внутреннюю пустоту богатством заимствованных методик. Для выхода из создавшегося положения российской политической науке нужно осознать себя в качестве самодостаточной формы научной мысли. Первым ее шагом на этом пути должен стать отказ от самоидентификации через соотнесение с современной западной политической традицией. Отечественной политологии следует нащупать этос России и, исходя из него, выстроить надлежащую идеологическую конструкцию»⁵.

⁵ Голоцан б.г.

Другими словами, вначале смысл и идеология, потом — наука! А иначе можно оказаться в том же грустном положении, что и процитированный выше Г.Голосов, который откровенно признается, что «смысл в России заниматься этим (политической наукой — Л.Ф.), в общем, совсем небольшой. С профессиональной точки зрения то, что я нахожусь в России, — достаточно случайное обстоятельство. Моя основная аудитория находится за рубежом. И эта аудитория сама по себе невелика. Профессиональные журналы читают немногие люди, которые сами занимаются преимущественно исследовательской деятельностью»⁶.

⁶ Политическая наука 2006.

Среди причин плачевного состояния отечественной политологии чаще всего упоминаются относительная неустойчивость и недостаточная демократичность российской политического режима и «дурная наследственность» в виде научных кадров, доставшихся от СССР. То есть, «настоящей» политологии в России нет потому, что у нас еще нет «настоящей» демократии и «настоящих» политологов (каковые, по-видимому, не могут вырасти из бывших историков, научных коммунистов, социологов, психологов и т.д.). Но тогда получается, что чем меньше политический режим соответствует современным западным стандартам демократии, тем меньше научности в политической науке данной страны. Поэтому, например, античная политическая наука почти совсем ненаучна, а американская политическая наука, скажем, начала XX в. гораздо менее научна, чем политология сегодняшних США, но все же

более научна, нежели политическая наука кайзеровской Германии... у классиков которой, правда, американцы охотно учились.

Впрочем, исходя из сказанного, можно заключить, что со временем, когда Россия дорастет до Запада в плане развития демократических институтов или прояснит собственные оригинальные политико-культурные основания, у нас появится (и будет востребована) и «настоящая» политическая наука. Она, наконец, выделится из конгломерата сопредельных наук. А сейчас эта наука находится в лучшем случае в стадии формирования, если только не переживает закат вследствие свертывания политической жизни вообще и демократических институтов в частности.

Автору этих строк кажутся сомнительными два постулата, лежащие в основе обозначенных выше выводов, а именно: (1) глубоко укоренившееся представление, что появление и развитие политической науки жестко связано с развитием демократии, и (2) негласное предположение, что вследствие этого развития политическая наука когда-нибудь окончательно выделится в полностью самостоятельную дисциплину (которой, очевидно, будут заниматься «чистые политологи»).

Прежде всего, что считать собственно политической наукой?

Специфика политической науки, как известно, состоит в том, что у нее изначально имеется особый предмет (область «политического»), но почти нет своих методов. Власть, властные отношения, политические институты и процессы и другие объекты политической науки с равным успехом могут изучаться целым комплексом наук, возникших примерно в то же время, что и политология (социология, культурология, психология и т.д.). Более того, эти науки обеспечивают политологию и львиной долей используемого в ней исследовательского инструментария. (Радикальное продолжение этой мысли ведет к выводу, что политическая наука вообще «лишняя». В пользу вывода о ненужности политической науки приводятся и другие соображения. В частности, утверждается, что, поскольку политика есть искусство, к ней неприменимы научные категории; что политические ситуации суть нечто одноразовое, не повторяющееся, и потому для их познания вполне достаточно исторической науки; что политическая наука имеет дело с формами господства, а это относится к компетенции общего государственного права, и т.д.)

Уже политическая наука античности (а многие авторитеты, например Г.Алмонд, возводят европейскую политическую науку именно к этому периоду истории) являлась частью более широких философских учений. Начиная с Платона, Аристотеля, софистов и киников учение о политике было не более (и не менее) чем точкой приложения общезначимых философских выводов и методов, полученных в рамках собственно философии, которая заменяла тогда комплекс наук об обществе, человеке, мире вообще и т.д.

Мой первый принципиальный тезис сводится к тому, что современную политическую науку точно так же нет смысла рассматривать

как нечто отдельное: она есть часть обширного комплекса наук об обществе и человеке, который обрел свои современные черты за последние 100—150 лет. *Политическая наука — это если и не «вершина» наук об обществе, то точка их совместного приложения с целью достичь каких-либо социально-политических изменений, что прямо подтверждается ее жесткой концептуальной и методологической зависимостью от данных наук.* В частности, так считал С.М.Липсет.

«Политическая наука и управление на самом деле были дисциплинами с одной зависимой переменной, — говорил он. — У вас могла быть религия, у вас могла быть политика, у вас могли быть союзы. Но собственной теории у политической науки не было». Чтобы объяснить политику, пришлось позаимствовать теории и методы у других дисциплин⁷. (Злые языки, в лице А.Казанцева, утверждают, правда, что «у нас нет устойчивой традиции «социальных наук», куда по мировой классификации вписываются политологи»⁸. А раз так, то, прежде чем бросать упреки политологам по поводу «ненаучности» их дисциплины, следовало бы обратиться к российским представителям тех наук, «острием» которых выступает политическая наука, — к историкам, социологам, психологам и т.д. Может быть, все проще: если у самих этих наук большие проблемы, чего же тогда требовать от «точки» их «приложения»?)

Второй принципиальный момент заключается в том, что именно возникновение специфической «точки приложения» и является главным пусковым механизмом для становления политической науки. Как резонно замечает Е.Моцелков, «изменения, которые происходят в развитии политологического знания в XIX в. и которые чаще всего связывают с переходом этого знания «из не-науки в науку», носят по отношению к этому знанию «внешний», а не «внутренний» характер. В этот период политология действительно конституируется как самостоятельная научная и образовательная дисциплина, усложняется ее структура, появляется множество новых направлений и областей исследования. Но перемены качественно не изменяют предметное поле и эвристическую функцию этого знания, ее фундаментальные основы в познании природы политических явлений и процессов.

Поэтому представляется более точным и продуктивным относить «научность» политологического знания к самым ранним стадиям его развития⁹.

Иными словами, возникает определенный «объект исследования», что побуждает весь наличествующий в данный момент комплекс наук об обществе мобилизовать свои средства, дав тем самым толчок формированию собственно политической науки. В самом первом приближении этот «объект исследования» может быть охарактеризован как *сфера публичной политики, которая появляется одновременно с типами политических режимов, требующих для своего успешного функционирования и легитимации мобилизации широких масс населения.* Не случайно политическая наука зародилась именно в Древней Греции с ее демократиями, тираниями, аристократиями и прочими режимами,

⁷ *Цит. по: Павлов б.г.*

⁸ *Казанцев б.г.*

⁹ *Моцелков б.г.*

которые без поддержки масс просто не смогли бы удержаться. Не менее закономерно, что родиной современной политической науки оказались Европа и США эпохи Модерна.

В Европе и Америке XIX в., по словам С.Московичи, «дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сел. В своем падении он увлек за собой традиционные религиозные и политические устои, а также духовные ценности. Вырванные из родных мест, из своей почвы люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиции к модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой»¹⁰. Неудивительно, что эпоха Модерна, выведшая на арену политической борьбы массы, ознаменовалась формированием демократических, фашистских, коммунистических и прочих режимов, ни один из которых не мог легитимировать себя иначе, как путем мобилизации этих масс. Даже если легитимность политических режимов строилась в том числе на оставшихся от прошлого традиционных институтах вроде монархии, главным ее источником выступало согласие общества. В наступившую эпоху, констатирует С.М.Липсет, легитимность означала, что «общество в целом считает существующие политические институты наиболее приемлемыми, независимо от мнения о конкретных людях, находящихся у власти в данный момент»¹¹. Эта же эпоха стала временем возникновения и расцвета современной политической науки, призванной осмыслить проблему стабильного функционирования и легитимности политических режимов, опирающихся на поддержку масс.

¹⁰ *Московичи 1996.*

¹¹ *Липсет 2005.*

Это только сейчас политическая наука (особенно в понимании тех, кто жестко увязывает ее с демократией) может восприниматься как атрибут относительно стабильных условий существования институтов представительного правления, свободы слова и совести и т.д. Политическая наука обслуживает эту стабильность, которая, со своей стороны, является истиной *этой* политической науки. «Мы должны быть хранителями конституции, профессиональным сообществом людей, уделяющих исключительное внимание структуре того, что называется государством»¹². Поэтому на Западе собственно политическая наука и оформляется в современном виде именно тогда, когда демократические институты и практики стабилизируются, когда появляются стратегические программы, когда цели и деятельность лидеров становятся понятными, а сами изменения — предсказуемыми, то есть когда складывается определенная парадигма, в пределах которой и возможны политические изменения. Г.Алмонд, безусловно, прав, утверждая, что «успехи политической науки в Европе по вполне очевидным причинам были связаны с процессом демократизации, а также со становлением государства всеобщего благосостояния, поскольку активистское, открытое государство, стремящееся к всестороннему охвату общественных проблем, нуждается во все большем объеме информации о политических процессах и эффективности деятельности властных структур»¹³. Но все

¹² *Лоуи 1999: 109.*

¹³ *Алмонд 1997: 182.*

это отнюдь не означает, что для возникновения политической науки и даже для ее бурного развития совершенно необходима стабильная, «правильная» демократия, соответствующая современным западным стандартам. Тот же самый автор, который призывает политологию быть хранительницей конституции, довольно сдержанно высказывается по поводу связи политологии с демократией: «Режим, допускающий существование настоящей политической науки, уже обладает многими качествами, необходимыми для демократии... Сложность, однако, заключается в том, что, нуждаясь в демократизации, мы не имеем ни малейшего представления об основаниях и условиях существования этого благоприятного для политической науки типа государства»¹⁴. Складывается даже впечатление, что толчок развитию политической науки дают далекие от всех этих стандартов «эпохи перемен». (Не в такую ли эпоху появилась и российская политология?) Во всяком случае, далеко не все из тех, кого сейчас считают классиками политической науки, писали свои труды в теплично-демократических условиях.

¹⁴ Лоуи 1999: 108.

Когда институты и практики, которые являются «точками приложения» наук об обществе, находятся только в процессе становления, прототипы современных политологических дисциплин, в свою очередь представляющие собой результаты этого приложения, неизбежно похожи на что-то другое. И прежде всего — на те науки или формы интеллектуальной деятельности (например, журналистику), из которых они заимствуют свои методы и приемы. Тут, кстати, прослеживается явная параллель с историей социологии, в том числе политической (ибо классики социологии — классики и политической науки): социология как наука о стабильных состояниях тоже формируется лишь в первой трети (если не половине) XX в., а до этого ищет свою нишу между социальной философией и историей. А если взять еще более ранний — контовский — вариант, то там вообще налицо очевидная религиозная и идеологическая подоплека. Стоит ли удивляться, что политическая наука движется сходным путем?

Наконец, третий принципиальный момент состоит в том, что политическая наука неизбежно сама является частью изучаемого ею объекта. Вне зависимости от желания тех или иных философов и ученых, она либо обслуживает функционирование политических режимов, обеспечивая их технологиями удержания власти и способами легитимации в массовом сознании, либо предлагает противникам данных режимов технологии их свержения, изменения, дискредитации и т.д. Даже установки типа «наши работы востребованы на Западе, а не в России, потому что в России отсутствует то-то и то-то» суть политическая позиция, выражающая идеологические предпочтения. Политическая наука — это всегда точка приложения наук об обществе с *определенной политической, почти неприкрыто идеологически ангажированной целью*. В стране с демократическим политическим режимом, как, скажем, в США, этой целью становится выявление рамочных условий его функционирования. Происходит это примерно так.

Существует устойчивый сплав доктрин либеральной демократии, капитализма, рынка, который в целом является общепринятым и воплощен в конституционно закрепленных политических институтах. Это, выражаясь в терминах Б.Капустина, ситуация, в которой наблюдается господство «операционализованной идеологии» либерализма. Но «любая операционализованная идеология стремится к прочному ценностному консенсусу, который делает ненужной саму идеологическую дискуссию»; для нее желательно состояние, «в котором некие ценности, воплощенные в определенных механизмах власти и собственности», действовали бы «автоматически»¹⁵. Однако выясняется, что демократическая политическая система работает не так, как ожидалось. Ее постоянно «портит» и извращает борьба групп интересов, политических партий, коррупция и т.д. Вот что пишет на эту тему Г.Алмонд:

¹⁵ Капустин 1997: 155.

«Во второй половине XIX в. и на протяжении первых десятилетий XX в. быстрый рост и процесс концентрации промышленного производства в Соединенных Штатах наряду с разрастанием крупных городов, население которых в основном составляли выходцы из небольших сельских населенных пунктов и иммигранты, привели к благоприятной ситуации для широкомасштабной коррупции. Она, в свою очередь, создала для дельцов от политики, обладавших изрядными материальными возможностями, ситуацию, при которой несложно было организовать и дисциплинировать значительные массы избирателей, заполонивших такие крупные города, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго, Сент-Луис, Канзас-Сити и др. Слова «босс» и «машина», наряду с постоянной борьбой за реформы, стали знаками американской политической жизни конца XIX — начала XX в. Реформистские движения, вдохновленные идеологией эффективности и поддержанные городскими деловыми и профессиональными элитами, привлекали на свою сторону талантливых журналистов, лучшие средства массовой информации и ученых из академических кругов. Подкуп политиков представителями корпораций, стремившихся заключить выгодные контракты, добиться привилегий и защиты от государственных ограничений, стал центральной темой нараставшего вала публицистических «обличительных» материалов в прессе, которые раскрывали общественности неприглядную картину политической инфраструктуры, втянутой во всевозможные злоупотребления и махинации, и выявляли «группы давления» и «лобби», глубоко пронизавшие и коррумпировавшие политические структуры на местном, региональном и федеральном уровнях»¹⁶.

¹⁶ Алмонд 1997: 175.

Возникает потребность в некоей дисциплине, которая бы оперативно выявляла отклонения от «автоматического функционирования» механизмов власти и собственности, разоблачала их, выявляла причины и т.д. А поскольку причин отклонений, равно как и отклоняющихся субъектов, очень много и они чрезвычайно разнообразны, данная дисциплина неминуемо начинает использовать любой научный арсенал (и любую тень *научного* авторитета), до которого может «дотянуться», —

что закономерно навлекает на нее упреки в несамостоятельности и методологической зависимости от других наук.

Будучи тесно связанной с необходимостью мобилизации масс, политическая наука неизбежно пересекается с другим феноменом Модерна — идеологией. Идеологии тоже всегда прибегают к авторитету науки, чтобы легитимировать политические режимы или усилия своих сторонников. Поэтому при определенных обстоятельствах (изменение политической конъюнктуры) политическая наука отчасти превращается в идеологию; и это превращение — резервный вариант для политической науки, в целом не противоречащий ее природе.

Рассуждения о том, что «сворачивание демократии влечет за собой закат политической науки», которыми нас все чаще пугают в последнее время, не имеют под собой оснований. Политическая наука возникает вовсе не вследствие становления демократических институтов (хотя их наличие и благоприятствует ее развитию), но вследствие выхода на арену публичной политики широких масс, после которого *ни один политический режим* уже не может легитимировать себя иначе как отсылкой к народному суверенитету. И здесь уже не столь важно, в рамках какой идеологии — либеральной или не слишком — осмысливается понятие народного суверенитета.

С этого момента, хотя бы правящие элиты или нет, запускается механизм постоянного сравнения реально действующего политического режима с тем, каким его живописуют идеология и пропаганда. Даже если собственно политической науки еще не существует, как не существовало ее в СССР, отклонения писаного образа от реальности фиксируются всем доступным арсеналом наук об обществе, что создает условия для возникновения или «возвращения» политической науки. Другими словами, специфика политической науки позволяет ей в случае необходимости мимикрировать под исходные ее составляющие. Многообразие парадигм, заимствуемых политической наукой у того комплекса наук, точкой приложения которого она является, всегда оставляет возможность отступить в области исследования, которые в данный момент не несут непосредственной угрозы для политического режима, но продолжают выступать потенциальными поставщиками концепций и методов для собственно политической науки. Эти концепции и методы имеют шанс стать актуальными в будущем. На индивидуальном уровне это означает, что политолог может по каким-то причинам мимикрировать под социолога, историка, политического философа, литературоведа и т.д., не изменяя своему призванию. Даже когда политический режим не благоприятствует развитию «настоящей» политической науки, остаются властные отношения, исследование которых само по себе способно служить источником вдохновения для политологов.

Раз возникнув, политическая наука не может исчезнуть, поскольку не исчезает историческая тенденция, заставляющая любой режим легитимировать себя путем отсылки к народному суверенитету. Не исчезает, раз возникнув, и процедура сравнения идеологического образа с

реальностью. В конце концов, речь всегда идет о базовом для политической науки отслеживании отклонений в функционировании опирающегося на одобрение масс режима с «операционализированной идеологией» — меняется лишь сама идеология.

Напротив, если реальность не удовлетворяет политолога, он вполне может играть, как это сейчас и происходит, роль идеолога, конструируя или предлагая сконструировать некий «проект»:

«Я бы назвал такой тип политолога, не являющегося ни «миссионером», ни «фокусником», словом «друид»... Нужна когорта укорененных в местных традициях знатоков российских реалий. Которые, фигурально выражаясь, при необходимости будут способны и из лука пострелять, и на коне поездить. И которых будет объединять нечто более серьезное, чем просто перспектива опубликоваться в иностранной газете.

России нужна политология большого национального проекта. Уже даже неважно, какого по содержанию. Возможно, это будет несколько больших проектов. Как только сообщество, разрабатывающее их, сложится, можно будет сказать, что до превращения российской политологии в науку остался один шаг»¹⁷.

¹⁷ Нифонтов б.г.

В условиях, когда занятия политической наукой утрачивают практический смысл для political scientist, этот смысл не исчезает для тех, кто понимает его иначе. Если политическая наука сейчас обслуживает ортодоксально-демократические политические режимы, это не значит, что она возникла именно для этой цели, что другим, не вполне демократическим, режимам она вовсе не нужна, что она вообще обязана обслуживать какой бы то ни было режим.

Возвращаясь к упомянутым выше алармистским настроениям относительно будущего отечественной политической науки, зададимся вопросом: существует ли в современной России настолько мощная тенденция, которая может заставить и власть, и общество отказаться от стратегии легитимации политического режима путем апелляции к воле народа? Заменяв ее, скажем, какой-то религиозно-политической доктриной, в которой есть глас Божий, но нет гласа народа? Идеологи, проповедующие такого рода доктрины, мягко говоря, не очень влиятельны. И со стороны власти, как бы ее ни воспринимать, такого стремления не наблюдается, даже наоборот: иначе откуда бы взяться концепции *суверенной демократии*?

Будучи, разумеется, вызовом политологическому сообществу, свертывание демократической публичной политики в современных условиях не является угрозой для самой политической науки. Нет, конечно, причины петь: «Все хорошо, прекрасная маркиза!», но кричать, что «все пропало», — оснований еще меньше.

Библиография

Алмонд Г. 1997. Политическая наука: история дисциплины // *Полис.* № 6.

Гельман В. *Ди-джеи в науке. Особенности национальной политологии* (<http://www.idelo.ru/426/23.html>).

Голоцан Е. *Идеология как условие существования и предмет политологии* (www.russ.ru/politics/20011002-gol.html).

Казанцев А. *Муки преждевременного рождения, или За что отвечает пионер?* (<http://www.apn.ru/publications/article17050.htm>).

Капустин Б.Г. 1997. Что такое «политическая философия»? (II) // *Полис*. № 1.

Липсет С.М. 2005. Размышления о легитимности // *Апология*. № 5 (http://www.journal-apologia.ru/rnews.html?id=331&id_issue=81).

Лоуи Т. 1999. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // *Полис*. № 5.

Московичи С. 1996. *Век толп. Наука о массах*. — М. (<http://yurpsy.by.ru/biblio/moskov/02.htm>).

Моцелков Е.Н. *История социально-политических учений как научная и образовательная дисциплина на философском факультете МГУ* (http://ispu.philos.msu.ru/moschelkov_text_1.html).

Нифонтов В. *Миссионеры, фокусники, друиды* (<http://www.apn.ru/publications/print10932.htm>).

Павлов А. *«Великий Мартин Липсет»: политическая наука и «американское мировоззрение»* (<http://www.apn.ru/publications/article11362.htm>).

Пастухов В.Б. *Мы живем в «дополитическом» государстве* (www.apn.ru/publications/article17284.htm).

Политическая наука или политическая аналитика. Интервью с профессором Европейского университета Григорием Голосовым. 2006 (<http://www.polit.ru/science/2006/05/30/golosov.html>).